

Taylor - Prohibition.

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА.

ТОМЪ XXXI.

ВЕШНЯ ВОДЫ.

СОЧ.

ИВ. ТУРГЕНЕВА.

Frühlingswogen. Von Ivan Turgeneff.

ЛЕЙПЦИГъ, | LEIPZIG,
Большаго Гергардъ. Wolfgang Gerhard.
Центральный книжный магазинъ для славянскихъ
странъ.

1 8 7 3.

ВЕШНЯ ВОДЫ.

ВЕШНЯ ВОДЫ.

СОЧ.

ИВ. ТУРГЕНЕВА.

ЛЕЙПЦИГЪ, | LEIPZIG,
Вольфгангъ Гергардъ. | Wolfgang Gerhard.
Центральный книжный магазинъ для славянскихъ
странъ.

1 8 7 3.

„Веселые годы,
 „Счастливые дни —
 „Какъ вешнія воды
 „Промчались они!“

(Изъ стариннаго романса.)

... Часу во второмъ ночи онъ вернулся въ свой кабинетъ. Онъ выслалъ слугу, зажегшаго свѣчки — и, бросившись въ кресло около камина, закрылъ лицо обѣими руками.

Никогда еще онъ не чувствовалъ такой усталости — тѣлесной и душевной. Цѣлый вечеръ онъ провелъ съ пріятными дамами, съ образованными мужчинами; нѣкоторыя изъ дамъ были красивы, почти все мужчины отличались умомъ и талантами — самъ онъ бесѣдовалъ весьма успѣшно и даже блестательно... и совсѣмъ тѣмъ никогда еще то „taedium vitae“, о которомъ говорили уже римляне, то „отвращеніе къ жизни“ — съ такой неотразимой силой не овладѣвало имъ, не душило его. Будь онъ нѣсколько по-

моложе — онъ заплакалъ бы отъ тоски, отъ скуки, отъ раздраженія: горечь Ѣдкая и жгучая, какъ горечь полыни, наполняла всю его душу. Что-то неотвязчиво-постылое, противно-тяжкое, со всѣхъ сторонъ обстутило его, какъ осенняя, темная ночь; — и онъ не зналъ, какъ отдѣлаться отъ этой темноты, отъ этой горечи. На сонъ нечего было разсчитывать: онъ зналъ, что онъ не заснетъ.

Онъ принялъ размышлять... медленно, вяло и злобно.

Онъ размышлялъ о суетѣ, ненужности, о пошлой фальши всего человѣческаго. Всѣ возрасты постепенно проходили передъ его мысленнымъ взоромъ — (ему самому недавно минулъ 52-й годъ) — и ни одинъ не находилъ пощады передъ нимъ. Вездѣ все то же вѣчное переливаніе изъ пустого въ порожнѣе, то же толченіе воды, то же, на половину добросовѣстное, на половину сознательное самообольщеніе, — чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало — а тамъ вдругъ, ужъ точно какъ снѣгъ на голову, нагрянетъ старость — и вмѣстѣ съ нею тотъ постоянно-возрастающій, все разъѣдающій и подтачивающій страхъ смерти... и бухъ въ бездну! Хорошо еще, если такъ разыграется

жизнь! — А тò, пожалуй, передъ концомъ, пойдуть, какъ ржа по желѣзу, немоши, страданія... Не бурными волнами покрытымъ, какъ описываютъ поэты, представлялось ему жизненное море: нѣтъ; — онъ воображалъ себѣ это море невозмутимо-гладкимъ, неподвижнымъ и прозрачнымъ до самаго темнаго дна; самъ онъ сидѣть въ маленькой, валкой лодкѣ — а тамъ, на этомъ темномъ, илистомъ днѣ, на подобіе громадныхъ рыбъ, едва видныются безобразныя чудища: всѣ житейскіе недуги, болѣзни, горести, безуміе, бѣдность, слѣпота... Онъ смотрить: и вотъ одно изъ чудищъ выдѣляется изъ мрака, поднимается выше и выше, становится все явственнѣе, все отвратительно-явственнѣе... Еще минута — и перевернется подпертая имъ лодка! Но вотъ оно опять какъ будто тускнѣетъ, оно удаляется, опускается на дно — и лежитъ оно тамъ, чуть-чуть шевеля плѣсомъ... Но день урочный придетъ — и повернетъ оно лодку.

Онъ тряхнулъ головою, вскочилъ съ кресла, раза два прошелся по комнатѣ, присѣлъ къ письменному столу и, выдвигая одинъ ящикъ за другимъ, сталъ рыться въ своихъ бумагахъ, въ старыхъ, болышею частью женскихъ, письмахъ. Онъ самъ не зналъ, для чего онъ это дѣлалъ,

онъ ничего не искалъ — онъ просто хотѣлъ какимъ-нибудь вѣшнимъ занятіемъ отдохнуть отъ мыслей, его томившихъ. Развернувъ на удачу нѣсколько писемъ — (въ одномъ изъ нихъ оказался засохшій цвѣтокъ, перевязанный полицавшей ленточкой) — онъ только плечами пожалъ, и, глянувъ на каминъ, отбросилъ ихъ въ сторону, вѣроятно сбираясь сжечь весь этотъ ненужный хламъ. Торопливо засовывая руки то въ одинъ, то въ другой ящикъ, онъ вдругъ широко раскрылъ глаза, и медленно вытащивъ наружу небольшую осьмиугольную коробку стариннаго покроя, медленно приподнялъ ея крышу. Въ коробкѣ, подъ двойнымъ слоемъ пожелтѣвшей хлопчатой бумаги, находился маленький гранатовый крестикъ.

Нѣсколько мгновеній съ недоумѣніемъ разсматривалъ онъ этотъ крестикъ — и вдругъ слабо вскрикнулъ... Не то сожалѣніе, не то радость изобразили его черты. Подобное выраженіе являетъ лицо человѣка, когда ему приходится внезапно встрѣтиться съ другимъ человѣкомъ, котораго онъ давно потерялъ изъ виду, котораго нѣжно любилъ когда-то, и который неожиданно возникаетъ теперь передъ его взоромъ, все тотъ же — и весь измѣненный годами.

Онъ всталъ — и, возвратясь къ камину, сѣлъ онъять въ кресло — и опять закрылъ руками лицо... „Почему сегодня? именно сегодня?“ думалось ему — и вспомнилъ онъ многое, давно-прошедшее.

Вотъ что вспомнилъ онъ...

Но нужно сперва сказать его имя, отчество и фамилию. Его звали Санинымъ, Дмитріемъ Павловичемъ.

Вотъ что онъ вспомнилъ:

I.

Дѣло было лѣтомъ 1840-го года. Санину минулъ 22-й годъ и онъ находился во Франкфуртѣ, на возвратномъ пути изъ Италии въ Россію. Человѣкъ онъ былъ съ небольшимъ состояніемъ, но независимый, почти безсемейный. У него, по смерти отдаленаго родственника, оказалось нѣсколько тысячъ рублей — и онъ рѣшился прожить ихъ за-границею, передъ поступленіемъ на службу, передъ окончательнымъ возложеніемъ на себя того казеннаго хомута, безъ котораго обеспеченное существованіе стало для него немыслимымъ. Санинъ въ точности исполнилъ свое намѣреніе, и такъ искусно распорядился, что въ день прибытія во Франкфуртъ

у него оказалось ровно столько денегъ, сколько нужно было для того, чтобы добраться до Петербурга. Въ 1840-мъ году желѣзныхъ дорогъ существовала самая малость; г-да туристы разъѣзжали въ дилижансахъ. Санинъ взялъ мѣсто въ „байвагенѣ“, но дилижансъ отходилъ только въ 11-мъ часу вечера. Времени оставалось многого. Къ счастью, погода стояла прекрасная — и Санинъ, пообѣдавъ въ знаменитой тогдашней гостиницѣ „Бѣлаго-Лебедя“, отправился бродить по городу. Зашолъ посмотрѣть Даннекерову Ариадну, которая ему понравилась мало; посѣтилъ домъ Гёте, изъ сочиненій котораго онъ, впрочемъ, прочелъ одного Вертера — и то во французскомъ переводѣ; — погулялъ по берегу Майна, поскучалъ, какъ слѣдуетъ добropорядочному путешественнику; наконецъ, въ шестомъ часу вечера, усталый, съ запыленными ногами, очутился въ одной изъ самыхъ незначительныхъ улицъ Франкфурта. Эту улицу онъ долго потомъ забыть не могъ. На одномъ изъ немногочисленныхъ ея домовъ онъ увидѣлъ вывѣску: „Итальянская кондитерская Джіованни Розелли“ заявляла о себѣ прохожимъ. Санинъ зашолъ въ нее, чтобы выпить стаканъ лимонаду, но въ первой комнатѣ, гдѣ, за скромнымъ прилавкомъ,

на полкахъ крашенаго шкафа, напоминая аптеку, стояло нѣсколько бутылокъ съ золотымъ ярлыками и столько же стеклянныхъ банокъ съ сухарями, шоколадными лепешками и леденцами — въ этой комнатѣ не было ни души; только сѣрый котъ жмурился и мурлыкалъ; перебирая лапками на высокомъ плетеномъ стулѣ возлѣ окна, — и ярко рдѣя въ косомъ лучѣ вечерняго солнца, большой клубокъ красной шерсти лежалъ на полу, рядомъ съ опрокинутой корзинкой изъ рѣзного дерева. Смутный шумъ слышался въ сосѣдней комнатѣ. Санинъ постоялъ — и давъ колокольчику на дверяхъ прозвонить до конца, произнесъ, возвысивъ голосъ: „Никого здѣсь нѣтъ?“ Въ то же мгновеніе дверь изъ сосѣдней комнаты растворилась — и Санину по-неволѣ пришлось изумиться.

II.

Въ кондитерскую, съ разсыпанными по обнаженнымъ плечамъ темными кудрями, съ протянутыми впередъ обнаженными руками, порывисто вбѣжала девушка лѣтъ девятнадцати и увидѣвъ Санина, тотчасъ бросилась къ нему, схватила его за руку и повлекла за собою, приговаривая задыхавшимся голосомъ: „скорѣй, скорѣй, сюда,

спасите!“ Не изъ нежеланія повиноваться, а просто отъ избытка изумленія Санинъ не тотчасъ послѣдовалъ за дѣвушкой — и какъ бы уперся на мѣстѣ: онъ въ жизни не видывалъ подобной красавицы. Она обернулась къ нему — и съ такимъ отчаяніемъ въ голосѣ, во взглядѣ, въ движеніи сжатой руки, судорожно поднесенной къ бледной щекѣ, произнесла: „да идите же, идите!“ — что онъ тотчасъ ринулся за нею въ раскрытую дверь.

Въ комнатѣ, куда онъ вбѣжалъ вслѣдъ за дѣвушкой, на старомодномъ диванѣ изъ конскаго волоса лежалъ весь бѣлый — бѣлый съ желтоватыми отливами какъ воскъ или какъ древній мраморъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, поразительно похожій на дѣвушку, очевидно ея братъ. Глаза его были закрыты, тѣнь отъ черныхъ густыхъ волосъ падала пятномъ на словна окаменѣлый лобъ, на недвижныя тонкія брови; изъ-подъ посинѣвшихъ губъ виднѣлись стиснутые зубы. Казалось, онъ не дышалъ; — одна рука опустилась на полъ, другую онъ закинулъ за голову. Мальчикъ былъ одѣтъ и застегнутъ; тѣсный галстукъ сжималъ его шею.

— Дѣвушка съ воплемъ бросилась къ нему. „Онъ умеръ, онъ умеръ! вскричала она; сейчасъ

онъ тутъ сидѣлъ, говорилъ со мною — и вдругъ упалъ и сдѣлался недвижимъ... Боже мой! неужели нельзя помочь? И м амы вѣтъ! Панталеоне, Панталеоне, что же докторъ?“ прибавила она вдругъ по-итальянски: — „Ты ходилъ за докторомъ?“

— Синьора, я не ходилъ, я послалъ Луизу, раздался хриплый голосъ за дверью — и въ комнату, ковыляя на кривыхъ ножкахъ, вошоль маленький старичокъ въ лиловомъ фракѣ съ черными пуговицами, высокомъ бѣломъ галстухѣ, нанковыхъ короткихъ панталонахъ и синихъ шерстяныхъ чулкахъ. Его крошечное лицо совершенно исчезало подъ цѣлой громадой сѣдыхъ, желѣзного цвѣта волосъ. Со всѣхъ сторонъ круто вздымаясь къ верху и падая обратно растрапанными косицами, они придавали фигурѣ старичка сходство съ хохлатой курицей — сходство тѣмъ болѣе поразительное, что подъ ихъ темно-сѣрой массой только и можно было разобрать что заостренный носъ да круглые желтые глаза.

— Луиза скорѣе сбѣгаетъ, а я не могу бѣгать, продолжалъ старичокъ по-итальянски, поочередно приподнимая плоскія, подагрическія